

Решетников Владимир Иванович.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

АВТОБИОГРАФИЯ.

Я, Решетников Владимир Иванович родился 17 апреля 1971 года в посёлке Сухобезводное Горьковской (Нижегородской) области. С 1978 по 1988 год обучался в Сухобезводненской средней школе. 1 сентября 1988 года поступил в Горьковский строительный техникум.

С 10 июня 1989 года по 12 мая 1991 года служил в Советской Армии. После армии продолжил обучение в техникуме, который закончил 22 марта 1994 года. Трудовую деятельность начал в родном посёлке. Работал мастером производственного обучения, преподавателем общетехнических дисциплин в ПТУ №122 при исправительной колонии строгого режима.

В 1996-1999 г.г. обучался в Нижегородском государственном педагогическом университете на заочном отделении, где присвоена квалификация: учитель, мастер производственного обучения по специальности «технология и предпринимательство».

Затем, отработав в ПТУ 3 года, в 1997 году аттестовался на офицерскую должность – психолога по работе с личным составом и с осуждёнными в ФГУ ИК-14 ГУФСИН России по Нижегородской области. Психологом прослужил до 2004 года. С января 2005 года был назначен на

должность старшего инспектора отдела охраны. Где служу и поныне, звание – майор внутренней службы.

Женат, воспитываю сына и дочь.

Стихи пишу с 14-15 лет. Участвовал в ряде творческих поэтических встречах, конкурсах, фестивалях и семинарах молодых литераторов (Саратов, Арзамас, Болдино, Семёнов, Выкса, Кстово и др.).

7 июля 2007 года на писательском семинаре в гор.Выкса решением секретариата был рекомендован к принятию в Союз Писателей России.

Решетников В.И.

СПИСОК опубликованных произведений Решетникова Владимира.

1. Публикации в газетах:

«Жизнь.Нижегород» (07.12.2000 г.),
«Труд и законность» (регулярно, с 2001 года по наст. время),
«Семёновский вестник» (регулярно, с 2004 года по наст. время),
«Нижегородская правда» (сентябрь 2004 г., 09.04.2005 г.),
«Народная весть» (21.06.2007 г.),
«Земля Нижегородская» (17.08.2007 г.)

2. Публикации в журналах:

«Преступление и наказание» (июнь 2002 г.),
«Теозис» (сентябрь 2006 г.)
«Нижегородцы» (ноябрь 2007 г.)

3. Коллективные сборники и альманахи:

«Родники» альманах г. Семёнова (№1, январь 2006 г.),
«Земляки» нижегородский альманах (№3, 2006 г. и №4, 2007 г.),
«Я вижу земную мою красоту...» книга к 100-летию Б.Корнилова (июнь 2007 г.),
«Русский смех», сборник иронической поэзии (август 2007 г.)

4. Персональные сборники стихов:

«Письмо» (Н.Новгород, 2001 г.),
«Непервый снег» (Н.Новгород, 2003 г.),
«Вопреки всему» (Н.Новгород, изд. «Поволжье», 2006 г.),
«Красный лёд» (Н.Новгород, изд-во «Поволжье», 2007 г.).

В интернете зарегистрирован персональный сайт автора, где размещены все его произведения, фотографии и рецензии, адрес:

<http://w8w71.sitcity.ru>

адрес электронной почты: **w8w71@mail.ru**

**Нижегородская обл., Семёновский р-н,
пос.Сухобезводное, ул.Кирова, д.27**

тел.моб.: 8. 9040456030.

17.11.2007 г.

* * *

Осень голая, сырая,
Словно жаба холодна,
Что замёрзла у сарая,
Не уснувшая, одна.

Проморгала, не успела
В землю врыться на покой...
Хорошо калине спелой,
Огнедышащей такой.

Но сгорит она и сбросит
Красны ягоды на снег,
Многим сокращает осень
Без того короткий век...

Потому на сердце горше,
Потому витают сны
И сгоревших, и замёрших,
Не дождавшихся весны.

* * *

Когда шумят бояре -
Людские лбы трещат,
Играй, гармонь, наяривай
По – нашему, да в лад.

За все дела такие
Пробил урочный час -
Поедем, братец, в Киев
Менять на сало квас.

Поедем лобызаться,
Якшаться с ними в дым.
Свою цивилизацию
Вернём и создадим!

Пускай не всё зависит
От простодушных нас,
Поедем, брат, в Тбилиси
Менять на чачу квас...

ДВА ПРОЦЕНТА.

В губительном восторге,
Наивна и проста,
Выспрашивала в морге
Свободные места.

В ответ её спросили:
Ты кто такая, мать? –
По паспорту – Россия,
По крови – не понять...

Ещё живое тело
Дышало через раз,
Стонало и хрипело

Под нами и за нас...

С неё одежду сняли
Истлевшую, в грязи,
И долго изучали
При помощи УЗИ.

Нашли в районе центра
Эрозию, и то
Размером в два процента,
А боли то на сто.

Наркоз готовьте, будем
Железом выжигать,
Процента два – не люди,
Здоровой станешь мать.

Уже лечили, бросьте,
В семнадцатом, и что ж –
Лечили в девяностых...
Не лягу я под нож.

И ныне в гуще оргий
Процентов без креста
Стоит босая в морге,
Наивна и проста...

* * *

Песню, прошу, затяни,
Чтобы слезу вышибало.
Мы в этом мире одни,
Нас в этом мире немало.

Много таких – посмотри:
По городам и по сёлам,
Черных от боли внутри,
С виду хмельных и весёлых.

Сколько ж раздора кругом
От нищеты и от денег.
Станет заклятым врагом
Друг и до нитки разденет,

Дети отца обвинят,
Мать отречётся от крохи...
Тлеющий западный смрад
Русского душит на вдохе.

Грезим о дальнем, большом,
В близком теряясь и в малом.
Черпаю брагу ковшом,
Песню тяни, запевала!

Песня твоя хороша,
Льётся сама, без усилий.
Птицей взметнется душа
Над необъятной Россией.

Милая! Как ты больна!
В рытвинах русское поле...
Сколько же надо вина,

Чтобы тебя обезболить?

СЕМЁНОВ.

Зазывая к себе перезвонами,
Этот город пяти площадей
Вдохновляет резными узорами
И прохладой зелёных кудрей.

Снисходительно старое к новому,
Ищет новое в старом ответ.
Неустанно во славу Семёнова,
Здесь творят и ложкарь, и поэт.

Пахнет липой и квасом на солоде,
Я по улицам светлым пройдусь.
Отражается в маленьком городе
Вся святая великая Русь.

Так давай же согреемся, милая,
После долгой разлуки – зимы
Жарким словом Бориса Корнилова
И огнём золотой хохломы.

* * *

Лес и поле под небом серым,
Зябнет в стыллом тумане село...
Невозможно прожить без веры,
Да и веруя жить тяжело.

Тяжело наблюдать вот эти
Неживые жилые дома,
В них давно поселился ветер,
Захвативший добро задарма.

Растворились, куда то делись
Обитатели здешних мест,
И коррозия, словно ересь,
Объедает церковный крест.

А ведь жили когда - то, жили
Добры молодцы – только держись!
Не жалея своих сухожилий,
Обустроили новую жизнь.

Помню, раньше гордились ими
И под знаменем красным одним,
Мы у каждого знали имя
И фамилию, и псевдоним...

Их неверия кара настигла,
Как провидец давно предрекал,
Звезды падали, словно иглы,
На последнего из могикан.

Свежий ветер туман рассеял,
Я узрел голубую даль -
Вспомнил заповедь по Моисею,
Мол, кумира себе не создай.

Лес и поле под небом серым,
Оживет ли родное село?

Парадокс, но дойти до веры
Нам неверие помогло...

* * *

Я живу, и ты живёшь,
Мы живые оба,
Мы живые, ну и что ж-
До поры, до гроба.

Кто-то умер в двадцать пять,
Кто-то в девяносто,
Это надо принимать
По-житейски просто.

У судьбы годков взаймы
Нам не взять до встречи,
Отплатить не сможем мы,
В принципе и нечем.

Кроме тела и души,
Стоптанных сандалий,
Так что радуйся, дыши
Сколько нагадали...

Срок придет, и я и ты
Все помрём, запомни,
И могильные цветы
В землю пустят корни.

Богу – душу, тело – в прах,
Нашим вдовам – гроши,
Людам – память о делах,
Лучше, о хороших.

Так давай же, хошь не хошь,
Жить на белом свете,
Чтобы колосилась рожь
И рождались дети.

Чтобы отдохнула мать
Каждая под старость,
Чтобы жить и не гадать
Сколько жить осталось.

* * *

Если стреляют – ложись,
Падай лицом на землю!
Наша дешёвая жизнь
Стала еще дешевле.
Ну, а когда упадёшь,
Духом не падай только –
Этот свинцовый дождь
Будет хлестать недолго.

Если затишье – пора,
Встать и сказать - «Спасибо!»
Тем, кто стрелял вчера.
Ты их не трогай, ибо
Милостью душу спасём,

Злыдней и желчь изложет,
Как говорится на всё,
Истинно - воля божья.

ГАЛСТУКИ

Много я галстуков нашивал
Разных фасонов, цветов,
Цвета и знамени нашего
С кличем «Всегда будь готов!»

Я попрощался с Аленюю,
Мать успокоил свою...
В галстук цвета зелёного
Принял присягу в строю.

«Горько!» - кричали свидетели,
Галстук ласкала фата –
Черный и белый, не эти ли
Сдержанной страсти цвета?

Галстук я больше не меряю!
В праздники, в будние дни
Жмет он свободы артерию,
Так что дышать не моги.

Если остынуть по Цельсию,
Стать бесполезным желе,
Чую – на скорбной процессии
В нем «не дышать» тяжелей...

В. Миронову

* * *

Закончилась жизнь непростая
Такого простого для нас.
Он снегом последним растаял,
Звездой мимолётной угас.

Я был где-то рядом и не был
С другими в несчастья дни –
Казалось кубанское небо
С семёновским небом одним.

У Чёрного моря я замер,
Со мной замерла и вода.
А он голубыми глазами
Прощался с небес навсегда.

* * *

Красота, не правда ли?
Не спеша с небес
Хлопья снега падали
На осенний лес.

На траву пожухлую
С павшей листвой,
На сосну, что рухнула
От грозы весной.

Снег ложился хлопьями
По округе всей...
Слышно даже хлопанье
Заячьих ушей.

Зайцы словно нитрою
Поменяли цвет,
Притаились хитрые,
Будто бы их нет.

Пусть и не увижу их,
Но зато смогу
Расписаться лыжами
На большом снегу.

* * *

Давно распрощавшись с вихрами
И с брюками модными «клёш»,
Майор из отдела охраны
Куда ты по жизни идешь?

В своём боевом камуфляже
Под солнцем палящим и в дождь,
Когда мы усталые ляжем,
Я знаю – ты дальше пойдёшь.

Туда, где сидят лиходеи
За слезы, грабёж и ножи...
А ты, за какую идею
Собою рискуешь, скажи?

Был краток ответ, не иначе –
Как выстрел, итогом всему:
Служу я закону, а значит
Народу служу своему!

* * *

Дайте мяса – озверю,
Дайте водки – запою.
Растревожьте же скорее
Душу грешную мою!

Я видал такие лица,
На которых нет лица,
На которых жир лоснится
От застолий без конца.

Я видал глаза пустые,
Те несчастные глаза
В жарких прениях остыли,
«Против» ратуя и «за».

Я видал (отнюдь – не слышал)
Те безмолвные уста,
Что и молча ядом дышат...
Я от этого устал!

Стал искать в других другое,
Что – не знаю, но искал.
На осколки, встав ногою,
Задержался у зеркал.

Глянул в них – и я такой же!
 Все такие – вместе, врозь:
 Безыдейные, о боже,
 И прожженные насквозь.
 Если ж я найду идею
 Вашу, нашу, как свою,
 Вот тогда и озверею,
 И от счастья запою!

ГЛАЗА.

Мужик с азартными глазами
 Колол под сердце раза три,
 Но вот попал... и боров замер,
 И что-то ёкнуло внутри.

Обмяк он, рухнул у забора,
 Кропя и плава белый снег,
 Еще теплел сражённый боров,
 Уже наелся человек...

Бесплодно вызывая жалость
 У тех, жующих за окном,
 Башка кровавая лежала
 В сугробе кверху пятакон.

Глаза немного приоткрыты,
 Глаза, счастливей многих глаз,
 Всю жизнь смотревшие в корыто,
 Смотрели в небо первый раз.

ГРУЗЧИК

Здравствуй родная, здравствуй!
 Сколько ж не виделась лет?
 Выщвел мой старый галстук,
 Нового галстука нет.

Некогда мне о внешнем
 Виде заботиться, вот:
 Ящик беру с черешней
 И упираю в живот.

На рукава из бочек
 Плещет рассол иваси...
 Я ведь теперь рабочий,
 Грузчик – «подай, принеси».

Стал я на знак вопроса
 От перегрузок похож,
 Смотришь надменно, косо
 Ты на меня, ну и что ж:

Труд непростой на рынке,
 Требуется воли и сил.
 Помнишь ли ты, Иринка,
 Как и тебя я носил?

Нынче не тот я – хворый,
 Легкие пылью свистят,
 Помнишь – свистел с забора

Лет восемнадцать назад?

Ты утонченной стала:
 Золотом блещет рука,
 Что же: звезду достану –
 Несколько звезд, коньяка.

Сядем в укромном месте,
 Сядем с тобою вдвоем,
 И, как бывало, вместе
 Песню свою напоем.

Вспомним про все бывшее,
 Вспомним про рай в шалаше,
 Нежностью, как алоэ,
 Рану залечишь в душе.

Пусть я простой рабочий,
 Все ж благодарен судьбе –
 Близится вечер к ночи,
 Я приближаюсь к тебе...

* * *

Встретились они совсем случайно
 На площадке лестничной в ДК,
 Он курил, она пакетик чайный
 Шпарила в стакане кипятка.

Говорили обо всём на свете,
 Говорили, чтобы не молчать,
 На лице румяном он заметил
 Тайного желания печать.

Всякая случайность не случайна,
 Вероятность встречи велика –
 Оказался тот пакетик чайный
 В пепельнице около бычка.

Две стихии, разные, по сути:
 Влаги аромат и пыл огня...
 Что же было дальше? – дорисуйте
 Вы картину эту за меня...

* * *

Я тебя поражаю
 Хочешь чем-нибудь? -
 Ожерелье-радугу
 Нацеплю на грудь.
 Радугу обвешаю
 Облаками, и
 Соберемся пешими
 По земле идти.
 Будешь ты обласкана
 По дороге мной,
 Солнечными красками,
 Нежною рекой,
 Каждую травинкою
 Пухом тополей...
 Станешь половинкою
 Трепетной моей.

И пройдем мы рядышком
Светлых дней запас,
Радуюсь и радуя
Всех, кто встретит нас!

* * *

Ну, зачем вот так - то
Капашь на темя?
Оседлаю трактор
И поеду в темень!

По кромешной хляби,
Тарахтеть, да вязнуть –
И на каждой яме
Отругаться грязно!

Закопчу соляркой
Ливневые тучи,
Вдруг увижу арку,
Глаз оттуда пучит...

Степью мчал, по взгорьям,
Нешто к преисподней?
Зря с тобой повздорил,
Нечисть эту поднял.

Ничего не знаю,
Ни в чего не верю...
Где же ты, родная?
Открываю двери.

Из кабины в темень
Льюсь в постель я потом.
Слышу как на темя
Капает мне кто-то:

«Никакого такта!
Хватит ляжку лапать -
Дочь не спит, вот так - то
Дурачок мой, лапоть...»

ВЕРЁВКА.

Было в радость для верёвки той
Веники вязать для русской бани,
Лазить по колодцам за водой,
Волочить нагруженные сани.

На верёвке плакало бельё
Застывая в ранние морозы,
И окружность с помощью её
На лугу не раз чертили козы.

Довелось верёвке бельевой
Выполнять и черную работу:
Как-то раз, рискуя головой,
Намотал её на шею кто-то.

«Как же люди подвести могли!» -

От стыда верёвка проскрипела,
Что пришлось ей в качестве петли
Чью-то душу выжимать из тела.

У РЕКИ.

Ночью в поле чистом,
У Заброд - реки
Мишу коммуниста
Били кулаки.

Дрыном били, хлестко,
Били наугад:
- " Вот-те продрозверстка,
Краснопузый гад!"

Солнце полыхало
Кровью у реки,
Где нашли Михайло
Мертвым рыбаки.

В том смертельном споре
Был итог таков:
По доносу вскоре
Взяли кулаков.

Утром в поле чистом,
Вдоль реки Заброд
Повели чекисты
Кулаков в расход.

Выстрел, снова выстрел...
Пять могил подряд.
Рядом с коммунистом
Кулаки лежат.

Перед Богом, знамо,
Все равны потом,
Красное ли знамя,
Знамя ли с орлом...

* * *

Иуда – первым был, в ответе
Он за предательство Христа,
Второй отрёкся, ну а третий
Кривил в сомнениях уста...

Христа в багряницу одели
И тёрном скрасили чело.
«Распни! - кричали иудеи –
Пилат, возьми, распни его!»

Помыты руки, руки чисты,
Пилат поддался силам тьмы.
Пуускай он не был атеистом,
Но сомневался, как и мы.

Христос распят, закрылись веки,
И крест убрали, но потом
На шеях грешников навеки
Единым станет он с крестом.

На третий день из поднебесья
Спустился ангел и вознёс
Благую весть: «Христос воскрес!
Воскрес воистину Христос!»

«Всех очевидцев опросите!» -
Кричал в неверии Пилат.
Ему в ответ: «Воскрес спаситель,
Ты в этом прав и виноват...»

Он спас разбойника Варавву,
От смерти смертью же и спас
Всю оголтелую ораву,
И сомневающих нас.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН.

Некогда колокол сброшен,
Но колокольня стоит,
Вид с колокольни хороший,
Для пулеметчика вид.

Я примостился и сверху
Видеть отчетливо мог –
- Воины третьего рейха
С запада шли на восток.

Шли покорители Польши,
Шли по дороге, пыля,
Шли бы и дальше и дальше,
Если б не встретился я.

Родом я сам из Рязани,
Парень советский, простой,
Давеча мне приказали:
«На колокольне постой...!»

Думаю, справлюсь с задачей,
И задержу у моста
Роту фашистов, а значит
Душ эдак около ста.
Мирный я, мухи не трону,
Ежели тронут меня,
Есть под рукою патроны
И пулемёт для огня.

Перекурил я немножко,
Сплюнул и стал воевать –
- Немец с губною гармошкой
Плюхнулся в водную гладь.

Следом второй, ну а третий
Стойку с перилами снёс,
Фрицев душевно я встретил,
Видно растрогал до слёз.

Те поначалу притихли,

Думал отступятся, глядь –
Старший им крикнул на ихнем:
«Фойер!», (наверно – стрелять).

«Шмайсеры» застрекотали,
Я увернулся и вниз.
Лязгали пули по стали
И колупали карниз.

Пусть я себя обнаружил,
Но преимущество есть –
- Фрицам опасней снаружи,
Мне безопаснее здесь.

Здесь я и духом их выше
Под православным крестом,
Грудь моя Родиной дышит,
Родиной милой, простой.

Не поменяю позиций,
Пусть обнаружен я, пусть!
Чтоб победить – разозлиться
Надобно, вот я и злюсь!

Рыжее солнце в зените
Черные каски печёт,
Вы уж меня извините,
Но продолжается счёт:

В травку уткнулся четвёртый,
Пятый поник и шестой...
Значит, представится черту
Выпить за их упокой!

Видел пейзажи в музее,
Здесь пейзаж посочней:
Густо окрашена зелень
Цветом арийских кровей.

Небо! Разлейся водицей,
Кровь иноземную смой!
Замертво падают фрицы,
Падает двадцать восьмой...

Мост под обстрелом, но лезут
Вплыв через речку и вброд,
Сколько ж огня и железа
Выплюнул мой пулемёт!

Лента почти, что пустая,
Предусмотрительно я
Вынул патрон и оставил,
Этот патрон для себя.

Небо просящему внемлет,
Небо – в союзе со мной,
И на засохшую землю
Дождь снизошёл проливной.

Я наслаждался затишьем –
- Краткий, но всё - таки мир...
Вдруг из укрытия вышел,

Видимо, их командир.

Этот пример героизма
Роту поднял. Во врага
Целясь, стрелял я и гильзы
Падали звонко к ногам.

Мимо и мимо! Неточным
Стал пулемётный прицел.
Выстрелил вновь одиночным,
Но не упал офицер.

Он был рассержен на ливень,
На пулемет, что не глож,
Смел и по – детски наивен:
Мне предлагал: «Хэндэ хох».

Я и не думал сдаваться,
Иль отступить на зады,
Пусть мне неполные двадцать,
Лучше помру молодым!

Ежели надо, так надо,
Водки ещё бы чуть-чуть,
В пол упираюсь прикладом,
Ствол упирается в грудь.

Верю, себе и не верю,
С дрожью глотаю слезу,
Слышу, как хлопают двери,
Слышу их топот внизу.

Сердце моё застучало
Силою тысяч сердец,
Вспомнил я жизни начало,
Чувствуя жизни конец.

Вот приготовился только,
Только подумал – пора...
Вдруг долетело с востока
Русское наше «Ура!»

Я благодарен был братцам,
Что подошли в аккурат.
Немцам пришлось убираться
От колокольни, назад.

Мирный я, мухи не трону,
Парень, советский, простой,
Ну а с последним патроном
Я возвратился домой.

поэма

КРАСНЫЙ ЛЁД.

* * *

Исчезли очевидцы,
Историки мудрят...
Пытаюсь я пробиться
Сквозь толщу лет назад.
Чихал архивной пылью,
На сайтах ночевал,

Меж небелью и белью
Искомое искал.

Казалось – факты дерни,
Поглубже в суть копни,
И обнажатся корни.
Но вижу только пни,
Где кольца годовые,
Старайся - не прочтешь,
Их горький ветер выел,
И смысл кровавый дождь.

Так кто же мы такие,
Откуда и куда
Шагаем по России,
Надолго ль, навсегда?!
Вопросы без ответов,
Без дерева листва,
Нет хуже быть на свете
Иваном без родства.

Однажды старца встретил,
Лицо его, что вязь.
Он долго был в запрете,
В глухих лесах таясь.
Мы сели на просторе,
В полях озимой ржи.
Вопросу ветер вторил:
«О жизни расскажи!»

Нахмурился он вязью-
Морщинами в ответ,
Спросил: « Не жил ты разве
Все тридцать с лишним лет?
Молчишь...»И мне поведал
Седой старик Пахом
О бедах и победах,
О времени лихом.

I.

На Рождество Христово
Белее белый свет,
Над городом Ростовом
Кружился белый снег.
Ложился он несмело
Под сапоги господ.
Последним станет «белым»
Двадцатый новый год.

Их будут гнать до Крыма,
И гнать до ноября,
Чтоб там волной накрыло,
Срывая якоря.
Затем сметёт к Босфору
Под выстрелы вослед,
И запестрят заборы:
«Буржуев больше нет!»

Всё это будет позже,
Ну а пока Ростов
В надежде будто ожил
От ненадежных слов.

Все местные газеты
Печатали тогда:
«Угрозы красной нету,
Спокойно, господа!..»

Кружился снег спокойно,
Ложился снег, устав,
Стихают даже войны
На Рождество Христа.
Все лавки торговали
В кредит и за рубли,
И полные трамваи
Людей в тепло везли.
К столам, где за обедом
Бывалый генерал
За скорую победу
Всё тосты поднимал.
Он речи вёл помпезно,
А выпив – сгоряча,
Уже почти у бездны,
Не веря тем речам.

Всё было, как обычно –
Обычный светский шарм...
Меж тем в степях набыченный
Томился командарм.
Под локоть карту дёрнул,
Исчёркал тьму листов –
Готовился Будённый
К удару на Ростов.

II.

Его кавалеристы-
Его душа и плоть
Обрушились неистовой
Лавиною, вперед!
Дивизия шестая
По городу неслась,
И снег под ними таял,
И превращался в грязь.

И таяли под ними
Надежды... Свой бокал
Поднял бы – не поднимет
Бывалый генерал.
Он всматривался в окна,
Он в ужасе застыл –
Там отражались блёкло
Погоны и кресты.

Кресты за честь и верность
Былой России, что ж,
Её уже, наверно,
Былую не вернёшь...
А новая Россия –
Чужая, не своя,
Обманом и насильем
Ильич её ваял.
Ваял штыком два года,
Сумев рабов зажечь
Декретами свободы,
С брони толкая речь.

Он по живому резал
На свой манер и вкус,
У крови вкус железа –
Железной станет Русь.
Железной, но кровавой,
Похлеще тех времен,
Когда до Николая
С народом шел Гапон.

И вот они в Ростове,
Неслись по мостовой,
И каждый был настроен
На свой последний бой.
Их только кровь утешит,
И смерть врага уймет.
По окнам запотевшим
Прошелся пулемет.
Прошил свинцовый веер
Портьеру и затих...
Они входили в двери,
И было много их.

Буденовские звезды,
Слепили всем глаза.
И содрогая воздух,
Один из них сказал:
«Стоять! Стоять на месте,
Оружие на стол!
Налейте грамм по двести
За красный, за Ростов.
Пушай буржуи платят
Натурой нам оброк» –
Рвались на дамах платья
И вдоль, и поперёк...

Ничто не было свято,
Смешалось всё в одно:
И красные солдаты,
И белое вино.
И генерал без веры,
Не чуя ватных ног,
Под дулом револьвера
Запнулся за порог...

III.

Снаряд ли, вьюга ль воеет –
Тревожно на Дону.
В сыром подвале двое
Делили ночь одну.
По-своему делили:
Вопросом в лоб, за ним –
Скупым ответом, или
Молчанием тугим.
Под светом тусклой лампы
Мелькала тень руки –
Один другого лапал
Небрежно за грудки.
Второго в дрожь кидало,
Едва держался он
За табурет, недаром

Вмурованный в бетон.

А звёзды вниз глядели
И гасли по одной,
Стыдясь большой идеи
Планеты небольшой.
Но значит, было надо
Чтоб встретились они:
Чекист, товарищ Чадов,
И генерал Роднин.

«Ну что же вы застыли,
Высокоблагородь?..
Погоны золотые
Извольте отпороть.
К чему погоны здесь то? -
Тут шкуру бы спасти.
Для мнимой вашей чести,
Что нынче не в чести?

Здесь холодно и сыро,
На то и Губчека,
Чтоб было не до жиру,
А живу быть пока.
Пока, а значит: между,
На время, налегке...
Без всяческой надежды
Висеть на волоске.

И я в былое время
Над пропастью висел,
Но волю дало племя,
Незримое досель.
Они пришли, как гунны,
Шумливую гурьбой,
Октябрьской ночью лунной
Ко мне, но за тобой.
За вами, да за всеми
Жирующими всласть,
Чтоб пеплом вас рассеять
И дать иную власть.
Доступную кухаркам,
Скоблившим вашу грязь,
И тем, кто кровью харкал,
На каторге томясь.
Рабочим, что по суткам
Горбатились за грош,
И даже проституткам
(Перекуются всё ж...)

Стоявшим на коленях
Пред вами сотни лет
Поведал правду Ленин
О том, что бога нет.
И нет, выходит тоже
По логике вещей,
Помазанников божьих,
Властителей – царей.

Религией – обманом
Дурили вы умы.
Ну, кто такой Романов?! -
Такой же, как и мы!

Из крови да из плоти,
И как любой – с дерьмом.
Мы – живы, он – напротив,
Расстрелян был потом.

Убит, как смерд, и что же:
Не рухнул белый свет,
А посему итожу:
Над вами нимба нет.
Но есть земля под вами,
Горящая земля,
И камеры в подвале,
Где сдохнете зазря.

Вы падалью смердите,
Мешаете давно!
Мой табачок сердитый
И то полезней, но
Признаюсь я, пожалуй,
Из тёмного вчера
Немного уважаю
Великого Петра.

Его хулили, дескать,
Крушил святую старь,
Пускай он был и деспот,
Однако же – бунтарь.
Бунтарь, как мы сегодня
(Он – сверху, мы – с низов),
Россию дыбом поднял
С похода на Азов.
А после только дрёма
И паутина лжи,
В династиях царёвых
Перевелись мужи!

Но богохульством, чую,
Пронять вас нелегко,
Ну что же, растолкую
Библейским языком:
Условно признавая
Всевышнего, для вас
От бога власть любая.
А значит, нашу власть
Признайте и терпите,
Как претерпел Христос!
Иного город Питер
Мессию превознёс.

Зажёг сердца и лица
Он праведным огнём.
Скупились вы делиться -
Мы силой всё возьмём...
Пускай же вечно бьются
Отважные сердца
Народной революции,
Которой нет конца!

Однако ж мы гуманны,
Покаешься – простим,
Но ждать небесной манны

Не стоит, и учти:
Кругом разруха, голод,
Злорадствуют враги...
А ты довольно молод,
Желаешь – помоги!»

Снаряд ли, вьюга ль воет –
Тревожно на Дону.
В сыром подвале двое
Делили ночь одну.
По-своему делили:
Вопросом в лоб, за ним
Скупым ответом или
Молчанием тугим.

Знобило на рассвете
От тяжких передраг,
Роднин ему ответил,
Ответил, да не так:
«Люблю родную землю,
Но, честно говоря,
Советы не приемлю,
Как впрочем, и царя.
Пускай бурлит Европа,
Но нам принять нельзя,
Что вылезли холопы
Из грязи да в князья.
У вас и пули ржавы,
И лаптем жрёте щи,
Обидно за державу!
Обидно – не взыщи...»

Затем сложил три пальца,
Перекрестился и
Сказал: «Хорош трепаться,
Веди. Туда веди,
Где встречу милых самых,
Детей моих, жену,
Которых комиссары
Угробили в плену».

Звенел машинкой Чадов,
Звенел туда – сюда,
Он приговор печатал
Без всякого суда...

IV.

В войне и те, и эти
Правы и неправы,
Неугомонный ветер
На всю округу выл.
Протяжно выл собакой
В предчувствии беды,
Он изморосью плакал
На смертников ряды.

Они стояли босы,
Все в белом, как один.
Погоны кто - то бросил,

И это был Роднин.
Он крикнул: «Нет, не надо!
Пожить ещё хочу!...»
В ответ – смеялся Чадов
И хлопал по плечу:
«Погоны золотые,
Судьбу не обмануть...»
Стреляли всех в затылок,
Ему попали в грудь.

Ещё дымились дула,
Винтовки взведены,
А в хуторе Федулов
Струдились пацаны.
Пахомка тоже вышел:
«Стреляют у реки!
Опять, наверно, бывших,
Айдайте напрямки!»
Они богаче стали
Бычками папирос,
Нательными крестами
Да гильзами вразброс...

Судьбинушка, судьбина,
Пахомка – из сирот,
Забрал отца у сына
Четырнадцатый год.
В семнадцатом на месяц
В крестах явился весь,
Но саблю вновь повесил
И навсегда исчез.

И где ж теперь батяня?
Не знамо никому.
Пахомка время тянет –
Остаться одному.
Не безделушек ради
Он бегал на расстрел,
Он в лица мёртвых дядек
С надеждою смотрел.

Отцу найтись бы впору,
Уже который год
Зияет раной прорубь,
И липнет красный лёд.
Казнят и те и эти,
Уйдут, опять придут.
Неуправляем ветер –
Ужасен русский бунт.

Кровавая рубашка,
Знакомые черты,
Кричал Пахомка - Пашка:
«Батяня, это ты!?»
Желаемое сами
Действительностью мним –
Положен был на сани
Ещё живой Роднин.

Овчинкою накрыли
От посторонних глаз,
Летел пацан на крыльях
За лошадью, вприпляс.

Единственному сыну
Поддакивала мать,
Но загодя просила
На хуторе молчать.

Знахарка баба Дуня,
Молчала и она,
Со снадобьем колдуя
Над телом Роднина...
Он выжил – бог не выдал,
Не съела и свинья,
Пускай хоть инвалидом
Пополнилась семья.

Спаслись они молчаньем,
При случае – враньём.
Роднин души не чаял
В спасителе своём.

Он сердцем чуял – нужен,
Не веря, что спасён.
Отцом он стал и мужем,
Благодаря за всё...

В нужде, да не в обиде,
Полгода пронеслось,
Но в будущем не видел
Себя случайный гость.
Да - гость, а не хозяин,
Несносно быть вторым,
И он, пока не взяли,
Решил податься в Крым.

Её обнял, малому
Сказал: «Казак, терпи!
Даю мужское слово –
Гульнём ещё в степи...»
Судьба – не стоит злиться,
Пора собираться в путь.
И ладанку с землицей
Повесил он на грудь.

В ответ Пахомка замер,
Не находя ответ,
Хрустальными глазами
Смотрел ему вослед.
Мгновенья эти – вечность,
Нельзя вернуть назад,
Тонул неспешно в речке
Малиновый закат...

Он пробирался через,
Он прорывался сквозь,
Трещал в сомненьях череп,
В ногах ломило кость.
Радушно встретил Врангель,
По праву Роднина
Восстановили в ранге,
Вернули ордена.

В нужде военной острой
Держался, сколько мог,
Мятежный полуостров,

Но, видно, вышел срок.
И лопнуло подбрюшье
Империи былой.
В портах металась души
Пред тёмною водой.
Рвались к судам на рейде,
По головам вперёд.
Барон приказом бредил,
И это был исход...
Волной смело к Босфору
Под выстрелы вослед,
Пестрели все заборы:
«Буржуев больше нет!»

V.

Прошли лихие годы,
Гражданская война
Ушла с концами в воду...
Воспрянула страна,
Она могучей стала
Под трудовой мажор,
Почил на лаврах Сталин,
И буйствовал Ежов.
Теперь «враги народа»
Не лезли из щелей,
К сороковому году
Жить стало веселей...

Кидало по чужбине
Бильярдные шары.
В Париже и в Харбине
Осели до поры
Те многие из бывших,
И многие из тех
Всё так же ядом дышат,
Надеясь на успех.
А злоба желчью пучит,
И бывший генерал
Под свастикой паучьей
Безумцу честь отдал...

С югов весной подуло,
За раз сошли снега.
На хуторе Федулов
Не встретили врага
Радушным хлебосольем,
Не встретили в штыки.
Один лишь дед мусолил
Цигарку у реки.

Река донская – Маныч,
В разливе хороша...
Заслышав лязг, Иваныч
Поднялся не спеша.
Рукою хват за ветки,
Раскинулась ветла,
Глядит – на мост на ветхий
Стальная мощь взошла.

Отколь, какого чёрта?
Иваныч пепел сдул.

Чужие люди в чёрном
Шагали по мосту,
Один из фрицев гаркал
На русском языке...
Обжёгся дед сигаркой,
И скрылся вдалеке.
Чтоб вскоре появиться
Там где, он верно знал,
Обветренные лица
Лишь только ждут сигнал.

VI.

Подрок Пахомка Занин,
Давно Пахомом став,
С отрядом партизанил
В своих родных местах.
Несдобровать кому – то:
Когда закат остыл,
Они вошли на хутор
С заданьем непростым.

Вот здесь они и жили,
Но нынче всё не так:
Здесь властвуют чужие,
У хаты чёрный танк.
Шальным господь поможет,
И в дверь, что было сил,
Вломились: кто – то ложе
С хозяйкою делил.

А дальше, на смех курам:
Метнулся в темноте
К окну бригаденфюрер,
Но там стоят не те!
А как в двадцатом - эти,
Которые - народ,
Роднин теперь в ответе
За сорок первый год.

Пахом зажжёт лампаду –
Знакомые черты:
«Не прячь лицо, не надо,
Я вижу – это ты.
А вспомнишь ли о малом?
Я вырос, погляди».
И ладанку сорвал он,
Сорвал с его груди.

«Не надо! – мать кричала –
Сынок, не тронь отца!..»
В рассказе есть начало,
Не будет в нём конца...

* * *

Печально, мир построен
На правде и на лжи...
Он умер на просторе
В полях озимой ржи.

Прощались с ним колосья,
Волной к земле клонясь,
И ветер зёрна сбросил
Слезинками на вязь.
На вязь – морщины старца,
На временную нить,
Я должен был остаться
Его похоронить.

Горстями в лунном свете,
Я землю бередил...
Я ладанку заметил
На старческой груди.
Смешались подо мною
Ростовская земля
С семёновской землёю.
Тот час во все края
Прорвались все преграды,
И я прорваться смог
Туда - к Калининграду
И на Владивосток.

От моря и до моря,
От полюса к югам
Россия триколорит
И верит четвергам,
Обещанным, как прежде,
Иными у руля.
И слух всё так же режет:
Во благо, ради, для...

Пока гламура перхоть
Красуется с витрин,
Пока вещают сверху,
Уже кипит внутри -
Кипит народ и стонет,
Униженный вдвойне
Укусами эстоний
И зеленью у.е.

Не лопнет ли терпенье
Подобием струны,
Не снова ль кровью пени
Заплатят Роднины?
Всегда найдётся Чадов,
Другие иже с ним
Пойдут дорогой к аду
С намереньем благим.

Витком, да по спирали
История гудит
Хлестала не вчера ли
Кровища из груди?!..
Рвалась, да пуповиной,
Меж поколений связь:
Отец наполовину,
Наполовину – мразь.
В живых его оставил
Пахом наверняка.
Задача непростая –
Доставить «языка»,
Покуда мать рыдает
В защиту возле ног.

Ах, ночь ты, ночь седая,
Не смог Пахом, не смог...
За слабость он ответил
Неволей в лагерях,
И долго жил в запрете
В семёновских лесах.

Во снах он видел хутор,
И свой родимый дом,
И речку Маныч, круто
Впадающую в Дон.
А Дон каналом к Волге...
У Керженца – реки
Казался вечер долгим,
И думы нележки.
И представлялись взору
Уже который год
Зияющая прорубь
И липкий красный лёд.